

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

ЗОЛОТО ПАРТИИ

семейная комедия

Юрий Поляков

Золото партии: семейная комедия

«У Никитских ворот»

2017

УДК 882.09
ББК 84(2Рос=Рус)6.6

Поляков Ю. М.

Золото партии: семейная комедия / Ю. М. Поляков — «У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-417-1

Юрий Поляков — известный русский драматург, автор пьес, широко идущих в нашей страны и за рубежом. В 2015 году на аншлагах прошел международный театральный фестиваль «Смотрины»: пятнадцать театров России, ближнего и дальнего зарубежья привезли в Москву спектакли, поставленные по пьесам Полякова, и с успехом показали их зрителям. «Золото партии» — новая комедия знаменитого драматурга, неизменно увлекающего читателя и зрителя закрученным сюжетом, острыми социальными коллизиями, яркими характерами, афористичным языком и остроумными диалогами. В книгу также вошли статьи и интервью, посвященные проблемам российского театра.

УДК 882.09
ББК 84(2Рос=Рус)6.6

ISBN 978-5-00095-417-1

© Поляков Ю. М., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Золото партии (семейная комедия)	5
Пролог	6
Первое действие	7
Явление первое	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юрий Поляков

Золото партии: семейная комедия. Публицистика

Золото партии (семейная комедия)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПЕТР ЛУКИЧ БАРАБАШ – пенсионер всесоюзного значения

МАРЛЕН ПЕТРОВИЧ БАРАБАШ – его сын, глава банка «Бескорыстье-Лимитед»

МАРИЯ – его четвертая жена, «мисс Тамбов»

ВАСИЛИЙ – его сын от первого брака

ТЕОДОР – его сын от второго брака

МАРИЯ – его дочь от третьего брака

ВЕНЯ ЧЕГЕВАРОВ – отец ее будущего ребенка

ОКСАНА ТАРАСОВНА СМЕТАНКА – сиделка с высшим образованием

ВОЛОДЯ – водитель-охранник

НИКОЛАЙ КАРЛОВИЧ ТУРУСОВ – полиглот

ЖАН ЖАКОВИЧ ПУМПЯНСКИЙ – эксперт ФЗХ (Фонда помощи злоупотребляющим

художникам)

ИВАН ИВАНОВИЧ ПЕРЕЗВЕРЕВ – коллектор по особо важным долгам

МАЙОР ВОЛКОВЕЦ – сотрудник ФСБ

СПЕЦНАЗОВЕЦ

БАНДИТ

САНТЕХНИК

КУРСИСТКА

СТУДЕНТ

ШПИК

Пролог

Дореволюционная ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Под газовым фонарем стоит курсистка, оглядывается, кого-то ожидая, нервничает. Из мрака появляется студент в широкополой шляпе, надвинутой на лоб.

КУРСИСТКА. Вольдемар! Наконец-то! Боже, я думала, вы уже не придете...

СТУДЕНТ. Надин, зачем они прислали вас? Это очень опасно. За мной хвост. Я заметил еще в Цюрихе. Но в Ревеле мне удалось оторваться.

КУРСИСТКА (*озираясь*). Вольдемар, вы уверены в этом?

СТУДЕНТ. Положительно уверен! (*Показывает револьвер.*)

КУРСИСТКА. И все-таки вы должны на время затаиться.

СТУДЕНТ. На Крестовском у нас есть конспиративная квартира. Извольте – отсижусь. (*Дает ей конверт.*) Надин, это срочно надо передать в комитет!

КУРСИСТКА. И только-то? Вольдемар, они ждут от вас совсем другого.

СТУДЕНТ. Провезти через границу то, о чем мы договаривались. Невозможно. Я пытался... Но верьте мне, Надин, здесь, в этом пакете, есть все необходимое для нашего дела и даже больше!

КУРСИСТКА. Здесь? (*Машет конвертом.*) Полноте, Вольдемар, вы шутите!

СТУДЕНТ. Отнюдь! Сегодня я архисерьезен и хочу с вами объясниться...

Мимо развязной походкой, играя тростью, проходит подозрительный субъект в котелке. Студент для конспирации привлекает к себе курсистку и долго, страстно ее целует, пока проходящий не скрывается из виду.

КУРСИСТКА (*стараясь отдышаться*). А я думала, вы меня совсем забыли!

СТУДЕНТ. Боже, Надин, забыть тебя, ту ночь в Летнем саду! Мы тотчас едем на Крестовский...

КУРСИСТКА. Меня ждут товарищи. Сначала – дело. Потом, потом...

СТУДЕНТ. Нет, сейчас!

Снова обнимает курсистку. Слышны голоса. Мелькают тени, свет. Студент выхватывает револьвер, курсистка – дамский браунинг.

КУРСИСТКА. Жандармы!

СТУДЕНТ. Беги, я их отвлеку! Жду тебя на Крестовском! Спросишь квартиру провизора, напротив мелочной лавки. Я архисоскучился!

КУРСИСТКА. Я приду, Вольдемар, непременно приду...

Затемнение. Всполохи света, полицейские свистки и выстрелы.

Первое действие

Явление первое

Прошло больше ста лет.

Загородный дом, возможно, на Рублевке. Зал с камином. В глубине видны прихожая и двери в комнаты. Лестница ведет на второй этаж, и там тоже комнаты. Массивный бар из красного дерева закрыт на висячий замок. В инвалидном кресле спит, храпя, мощный старик со звездой Героя Социалистического Труда на душегрейке, ноги в валенках. Рядом, на стуле, молодая женщина, с карандашом читающая журнал «Вопросы истории». Прервав занятия, она прислушивается к дыханию деда, щупает пульс и снова углубляется в журнал. Вдруг ветеран всхрипывает и, проснувшись, озирается..

БАРАБАШ. Где я?

ОКСАНА. Дома, в «Супервиллидже».

БАРАБАШ. Уф, приснится же такое!

ОКСАНА (*закрывая журнал*). И что же вам приснилось?

БАРАБАШ. Двадцать пятый съезд партии. Я, значит, докладываю о трудовых победах, а потом поворачиваюсь к Брежневу и говорю: «Леня...»

ОКСАНА (*с иронией*). Прямо так, Петр Лукич, и сказали: «Леня»?

БАРАБАШ. А что? Я его еще по Малой земле знаю.

ОКСАНА (*с обидой*). Скажите, зачем... ну зачем? Старый человек, а так врете!

БАРАБАШ. Я никогда не вру.

ОКСАНА. Никогда? Как не стыдно! Бои на Малой земле шли с февраля по сентябрь 1943-го. Если вы в них участвовали, вам должно быть сейчас хорошо за девяносто. А вам всего-то восемьдесят с хвостиком.

БАРАБАШ. С хвостиком? Кто тебе это сказал?

ОКСАНА. Вы, Петр Лукич, и сказали.

БАРАБАШ (*смущаясь*). Ну да, сказал... Это вам, бабам, свой дамский стаж лет до шестидесяти приходится скрывать, а после вам наплевать. Нам, мужикам, наплевать до шестидесяти, а потом надо примолаживаться.

ОКСАНА. Зачем?

БАРАБАШ. Для женского интереса.

ОКСАНА. И врать?

БАРАБАШ. Раньше это называли «корректировать контрольные показатели».

ОКСАНА. Вам-то зачем корректировать?

БАРАБАШ. Оксана, ты подумала над моим предложением? Я не шучу!

ОКСАНА (*пожав плечами*). И что же вы там Брежневу сказали, Петр Лукич?

БАРАБАШ. Сказал: так, мол, и так, дорогой Леня, мы с тобой немца одолели, страну из разрухи подняли, целину вспахали, в космос слетали, Олимпиаду провели... Пора и на покой! Пусть молодежь порулит. Стар ты стал, Леня, суперстар! Еле челюстью ворочаешь империалистам на смех.

ОКСАНА (*удивленно*). А он?

БАРАБАШ. Заплакал. И тут началось!

ОКСАНА. Неужели так и сказали – про челюсть?

БАРАБАШ. Конечно, не сказал. Крикнул, как все, «ура» и слез с трибуны под бурные продолжительные аплодисменты...

ОКСАНА. А если бы сказали – тогда что?

БАРАБАШ. Сняли бы с работы, из партии турнули, а может, и в дурдом упекли бы. Сбрэндил, мол, боевой соратник от трудового энтузиазма.

ОКСАНА. А в результате все мы теперь живем в одном огромном дурдоме.

БАРАБАШ. И не говори, Оксаночка! Я этот сон часто вижу. Проснусь, лежу и думаю: может, и не упекли бы, а наоборот – очнулись... Иногда вся жизнь от одного верного слова зависит. Ты мне сразу-то не отказывай – подумай. И накапай поскорей! Что-то сердце жмет...

ОКСАНА. Погода. Магнитная буря. Сколько капель?

БАРАБАШ. Как обычно. И побольше!

Оксана уходит. Дед подъезжает на коляске к окну. Смотрит. Ворчит.

БАРАБАШ. Наше поколение Магнитку строило. Что нам магнитная буря!

Роняет голову, снова спит. Открывается дверь. Из комнаты на цыпочках выходит парень в кожанке. Его провожает беременная девчонка.

ВЕНЯ. Тише! Там этот... твой...

МАША-ДОЧЬ. Дед? Он все время спит. Пиквикский синдром. Венька, не уходи! Мне без тебя так плохо... Я боюсь...

ВЕНЯ. Чего? Ты же смелая! Видел я, как ты с полицаем на митинге дралась. Помнишь, что ты ему помадой на щите написала?

МАША-ДОЧЬ. Дурак ты мой, я за тебя боюсь! Понял? Сколько Дэну дали?

ВЕНЯ. Пять лет общего режима.

МАША-ДОЧЬ. Блин! Козлы! Мы тебя, конечно, будем ждать... *(Кладет руку себе на живот.)* Сколько надо, будем ждать, но лучше не попадайся им...

ВЕНЯ. Прорвемся! *(Обнимает ее.)* Декабристочка ты моя!

МАША-ДОЧЬ. Может, останешься, Вень? Я тебя с отцом познакомлю...

ВЕНЯ. С финансовым капиталом у нас ничего общего! Ты с ним говорила?

МАША-ДОЧЬ. Нет еще. Папа сочувствует оппозиции, но у него сейчас трудные времена.

ВЕНЯ. Для банкира трудные времена, когда устрицы через день. Иди ко мне!

Они целуются. Маша-дочь нехотя скрывается в комнате. Веня крадется к балкону, дергает ручку. Дед приоткрывает глаз.

БАРАБАШ. Ты, паренек, лучше через окно попробуй. Балкон-то забили.

ВЕНЯ *(растерянно).* Вы не спите?

БАРАБАШ. Я всегда только одним глазом сплю. Привычка. С фронта.

ВЕНЯ. Когда забили?

БАРАБАШ. С вечера. Как ты залез, так сразу и заколотили.

ВЕНЯ. Зачем?

БАРАБАШ. Боятся.

ВЕНЯ. Кого?

БАРАБАШ. Вкладчиков, наверное.

ВЕНЯ. Если народ восстанет, им ничто не поможет.

БАРАБАШ. Ну и поднимай, парень, народ! Чего чешетесь?

ВЕНЯ. Денег, дедушка, нет. Революция – дело недешевое.

БАРАБАШ. Кредит возьмите!

ВЕНЯ. Думали. Машка обещала у отца попросить.

БАРАБАШ. Не даст.

ВЕНЯ. Почему?

БАРАБАШ. Профукал. Да и жадный он. С детства. Бывало, принесешь ему из спецбуфета эклер. «Марлик, дай откусить папе!» – «Не дам! Мое!» – «Как не стыдно, говорю, мы тебя в честь Маркса и Ленина назвали». – «Все равно не дам!» Но деньги в революции – дело второе. Программа-то у вас есть?

ВЕНЯ. Обдумываем.

БАРАБАШ. Тебя как звать-то?

ВЕНЯ. А вас?

БАРАБАШ. Петром Лукичом с утра был.

ВЕНЯ. Я – Веня.

БАРАБАШ. Вениамин, стало быть. А фамилия твоя как?

ВЕНЯ. Это неважно. У меня подпольный ник.

БАРАБАШ. Из евреев, стало быть...

ВЕНЯ (*гордо*). Это плохо?

БАРАБАШ. Это хорошо. Революция без евреев – как тесто без дрожжей. Главное – не переборщить. Ну и какая же у тебя подпольная кличка?

ВЕНЯ (*гордо*). Че-ге-ва-ров.

БАРАБАШ. Ишь ты! Знавал я товарища Че, знавал...

ВЕНЯ. Врете!

БАРАБАШ. Да что ж такое! Опять вру? В одна тысяча девятьсот шестьдесят втором году министр промышленности Острова свободы товарищ Че Гевара прилетал в СССР на переговоры по сахару. Я ему прямо сказал, как коммунист коммунисту: ваш тростниковый по сравнению с нашим из бурака – дерьмо собачье. Ох и орал же на меня потом Хрущ...

ВЕНЯ. Какой сахар, какой бурак? Че Гевара – великий революционер!

БАРАБАШ. Люди, Веня, после революции тоже кушать хотят. Даже сильнее, чем до революции. Или тебе плевать на народ? А ты, собственно, парень, из каковских будешь?

ВЕНЯ. Я? Мы правый фланг леворадикального центра.

БАРАБАШ. Как ты сказал? (*Разводит руками.*) Не понимаю. Партия должна быть одна, иначе сам запутаешься и народ с толку собьешь. Короче, с коммунистами у вас есть контакт?

ВЕНЯ. Нет! Мы гораздо левее.

БАРАБАШ. Не левее надо быть, а умнее. Одни не потянете. Когда к Машке снова полезешь, валяй через мою комнату, заодно платформы сблизим. И веник какой-нибудь захвати! Революция революцией, а девки цветы любят.

ВЕНЯ. Хорошо, Петр Лукич. (*Хочет уйти.*)

БАРАБАШ. Стой! Вы расписанные с ней?

ВЕНЯ. Нет еще...

БАРАБАШ. Плохо! Пока вхолостую балуешься, можно и так – шатуном. А пузо надо регистрировать. Понял?

ВЕНЯ. Понял.

Открывает окно, встает на подоконник.

БАРАБАШ. Не простудись!

ВЕНЯ (*исчезая*). Там тепло!

БАРАБАШ (*оставшись один*). Ну что за февраль? Плюс пять. Тьфу! Вот при нас зима была так зима! Настоящая. Как жажнет минус тридцать...

Оксана возвращается с рюмочкой.

ОКСАНА. Закройте окно – простудитесь!

БАРАБАШ. Тебя за смертью посылать.

ОКСАНА. Еле нашла. А что вы там про зиму сказали?

БАРАБАШ. Говорю: раньше, как жажнет минус тридцать, сразу собираем экстренное бюро обкома. Первый вопрос: «Что делать с зимой?»

ОКСАНА (*подавая рюмку*). А что можно сделать с зимой?

БАРАБАШ. Много чего! Можно массовый лыжный забег устроить. (*Пьет.*) Это еще что такое?

ОКСАНА. Как обычно, Петр Лукич...

БАРАБАШ. Нет, не как обычно. Что за дрянь ты мне налила?

ОКСАНА. Коньяк.

БАРАБАШ. Какой?

ОКСАНА. Бренди, кажется...

БАРАБАШ. Совсем сбрендил? Измена Родине тоже с заграничного поила начинается. Где мой армянский?

ОКСАНА. Так Армения теперь – заграница.

БАРАБАШ. Чушь! Я в СССР родился и помру.

ОКСАНА. Кончился ваш армянский. А у Марлена Петровича бар, видите, на замке. Этот-то еле у Турусова выпросила. Взаимы. Будить пришлось. Они с Теодором под утро вернулись. Ругался...

БАРАБАШ. Ругался? Да ладно! Ты ж ему нравишься.

ОКСАНА. Вот еще глупости! Скажете тоже...

БАРАБАШ. Врешь! Баба мужской интерес за версту чувствует, как парткомиссия троцкизм. Ты замужем-то хоть была?

ОКСАНА (*грустно*). Была.

БАРАБАШ. И что, бросил тебя муж или объелся груш?

ОКСАНА. Это я его бросила.

БАРАБАШ. Ай, не ври! У тебя ж на лбу написано, как на первомайском плакате: о-дно-мужняя. Другую, чай, твой хлопец себе нашел?

ОКСАНА. Нашел.

БАРАБАШ. Что за стервь?

ОКСАНА (*зло*). Ненька Украина. Знаете такую?

БАРАБАШ. Как не знать... Потом поговорим. Дуй в магазин за коньяком!

ОКСАНА. Марлен Петрович денег не дает. Никому. Зарплату задерживает.

БАРАБАШ. Разорился, что ли?

ОКСАНА. Похоже.

БАРАБАШ. Хорошо бы! А коньячок я и сам могу купить. Пенсию получаю.

ОКСАНА. Ой, не смешите!

БАРАБАШ. Что-о?.. Я пенсионер всесоюзного значения. (*Роется по карманам, вынимает платок, партбилет, конверт, отдает сиделке.*) Подержи-ка!

ОКСАНА (*берет в руки красную книжицу, рассматривает*). Вот, значит, какой он, партбилет! А в молодости вы очень даже ничего были...

БАРАБАШ. А то! Сколько ко мне вашей сестры в очередь записывалось по личным вопросам!.. Ни одну не обидел.

ОКСАНА (*листая билет*)... Взносы большие платили. Хорошо зарабатывали.

БАРАБАШ. Не обижала нас партия. Я и сейчас квартиру сдаю. Ты думай, дурочка, думай над моим предложением. На вот, подержи-ка!

Старик отдает ей старый конверт и продолжает шарить по карманам.

ОКСАНА (*рассматривает конверт*). Интересный конверт. Очень старый! «Весьма секретно. Не вскрывать без разрешения ЦК». С ятями. Значит, писали до 1918 года. А конвертик-то постарше вас будет, Петр Лукич?

БАРАБАШ. Ты-то почему знаешь?

ОКСАНА. Я же историк. Откуда у вас такой раритет?

БАРАБАШ. В архиве нашли. Принесли мне: мол, как быть? Я хоть и на пенсии, а связи остались. Думал, схожу в ЦК, отдам кому следует. А тут все и кончилось: Борьку-пьяницу в Кремль занесли...

ОКСАНА. А почему сами не вскрыли?

БАРАБАШ. Я человек дисциплинированный. Нельзя без ЦК – значит нельзя. (*Забирает конверт.*) Пусть пока полежит. Наши придут – разберутся.

ОКСАНА. А вдруг там ценный исторический документ?

БАРАБАШ. Выходи за меня, Оксана, – все тебе достанется!

ОКСАНА. Я подумаю над вашим предложением.

БАРАБАШ. Думай скорее, а то помру.

ОКСАНА. Ладно вам!

БАРАБАШ. Карачун в мои годы, девонька, как строгий партвыговор. Можно схлопотать в любое время ни за что ни про что. Ах, вот она где! (*Находит кредитку, отдает сиделке.*) Бери и дуй в магазин!

ОКСАНА. Пин-код нужен.

БАРАБАШ. 1917. Запишешь или запомнишь?

ОКСАНА. Запомню. Сколько коньяку брать – ящик?

БАРАБАШ (*строго*). В партии у нас пили, но не пьянствовали. Три... нет, пять бутылок. Себе чего-нибудь вкусенького купи. Одна нога здесь, другая там.

ОКСАНА. Мне отпрашиваться надо.

БАРАБАШ. Вот ведь крепостное право развели! Володьку попроси. Он тебя мигом на своем броневике в магазин сгоняет. Никто и не заметит.

ОКСАНА. Ладно, попробую.

Оксана идет к выходу и сталкивается с Марленом Петровичем.

МАРЛЕН. Оксана, вы куда?

ОКСАНА (*растерянно*). Я... Марлен Петрович, я...

БАРАБАШ. Обмочился я, сынок, вышел грех такой...

ОКСАНА (*после паузы*). Я за памперсами. В магазин. Кончились.

МАРЛЕН. Быстро! На автобусе. И скажите Володе, пусть посмотрит унитаз в моей спальне. Там, кажется, засор...

ОКСАНА. Марлен Петрович, простите, но мне нужно... понимаете... маме в Луганск деньги отправить...

МАРЛЕН. Будет вам зарплата. Зайдите после ужина. Обсудим. Ступайте!

Оксана уходит. Отец и сын смотрят ей вслед.

БАРАБАШ. Сынок, рано тебя на свежатинку потянуло. Ты же только женился.

МАРЛЕН. Папа, это совсем другое.

БАРАБАШ. Сынок, это у всех одинаковое.

МАРЛЕН. Папа, ты лучше о себе подумай!

Марлен в раздражении подходит к балкону, пробует рукой дверь.

БАРАБАШ. Ты, сынок, и окна забей! Мало ли что...

МАРЛЕН. Папа, не надо острить! Не до этого. В бизнесе всякое бывает. Я же тебя просил не выезжать из своей комнаты.

БАРАБАШ. Когда меня взяли по ленинградскому делу, и то гулять выводили. Хожу по внутреннему двору, гляжу на звезды и гадаю: если хоть одна упадет, не шлепнут. Упала! Удачливый я. Только с сыном единственным не повезло.

МАРЛЕН. Хватит! Ко мне могут приехать по делу, а тут ты со своими шутками.

БАРАБАШ. Знаю я твои дела: трудовой люд объегоривать да обгайдаривать. Не прощу. Народ не простит!

МАРЛЕН. Папа, народ – это всего лишь люди, которые смотрят телевизор.

БАРАБАШ. Народ, сынок, – это люди, которые на улицы вываливают, если по телевизору слишком много врут. Надоело мне у тебя. Не по-русски живешь. Вези назад в ДСП!

МАРЛЕН. Куда?

БАРАБАШ. В Дом старых пердунов. Откуда привез. Там хотя бы все наши... Валька Стрижова. Комсорг Братской ГЭС. Девчонка – огонь! Так бы и женился.

МАРЛЕН. Что ж не женился?

БАРАБАШ. Не успел. Померла. До восьмидесяти месяц не дотянула.

МАРЛЕН. Из-за этих твоих огненных девчонок вы с матерью и собачились всю жизнь. Вырос под ваши скандалы. «Где ты был?» – «Люда, у меня экстренное выездное заседание!» Бац-бац-бац... И нет сервиза.

БАРАБАШ. Ну, было, было... Не из железа склепан. Брак, сынок, – это как пакт Молотова – Риббентропа. Лучше не подписывать, но уж если заключил – не отступай, держись!

МАРЛЕН. Вот ты и не отступал. Никогда не забуду, как мама бросила в тебя гусятницу. Ты с субботника в понедельник вернулся...

БАРАБАШ. Да, пятно до сих пор на обоях осталось. Людмила в этом смысле была не женщина, а ревтрибунал: сначала стреляла, потом разбиралась. Зато я не женился, как ты, на каждой встречной.

МАРЛЕН. Уж лучше жениться, чем бегать, как ты, за каждой поперечной.

БАРАБАШ. Нет, не лучше! Ты вырос с отцом и матерью. А твои дети? Чем тебе Валентина не угодила? Ваську тебе родила. Какие фуэте крутила!

МАРЛЕН. И романы еще крутила.

БАРАБАШ. Скучала без сцены. Как она, здорова?

МАРЛЕН. Балерины долго живут.

БАРАБАШ. Ваське теперь сколько?

МАРЛЕН. И не спрашивай. С бородой...

БАРАБАШ. Вот ведь учудил! Повидать бы внучка перед смертью.

МАРЛЕН. Повидаешь. Я его в гости позвал.

БАРАБАШ. Это хорошо! Ладно, допустим, с Валентиной не вышло. Первый брак ознакомительный. А вторая – Эльвира? Это ж надо жену так довести, чтобы она от тебя в Альпы с ребенком сбежала!

МАРЛЕН. Папа, ты многого не понимаешь.

БАРАБАШ. А что тут понимать: зачал, родил, вырастил. Вот и все понимание. Я когда на Федьку смотрю, плакать хочется. Тирольский Маугли. Русского языка не знает. В тридцать лет не женат.

МАРЛЕН. Ищем невесту.

БАРАБАШ. Эльвира-то теперь где?

МАРЛЕН. Кажется, в Гималаях, ищет Шамбалу.

БАРАБАШ. Ясно – шамбольная. А с Еленой, Машкиной матерью, что у тебя вышло? Десять лет жили не тужили. Я уж думал, ты набегался, прилип.

МАРЛЕН. Папа, это очень интимная тема. Я бы не хотел...

БАРАБАШ. Сынок, я тебя из твоего интима писать учил. Рассказывай!

МАРЛЕН. Елена сменила половую ориентацию. У нее теперь – жена.

БАРАБАШ. Довел бабу!

МАРЛЕН. Я-то тут при чем? Это, видимо, в ней от природы. Гены такие. Врач сказал: переориентация сексуального вектора...

БАРАБАШ (*ворчливо*). Вектора... Тьфу! Сынок, запомни: от хороших тычинок пестики не бегают. Машка-то с матерью общается?

МАРЛЕН. Не знаю. Замкнулась она. Не говорит, кто отец ребенка.

БАРАБАШ. Ты про какую Машку?

МАРЛЕН. Про дочь, папа, конечно, про дочь.

БАРАБАШ. Совсем ты, сынок, в своих Машках запутался. Могу тебе сказать, кто отец, если хочешь.

МАРЛЕН. Ты-то откуда знаешь? Ты же спишь все время.

БАРАБАШ. Во сне увидел.

МАРЛЕН. Ну и кто?

БАРАБАШ. Отдай людям зарплату – скажу.

МАРЛЕН. Нет денег, ты это понимаешь?

БАРАБАШ. Куда ж они подевались?

МАРЛЕН. Форс-мажор. У нас хотят отозвать лицензию. Еще не отзывали. Но кто-то слил информацию, все бросились забирать деньги, как ненормальные.

БАРАБАШ. А за что у тебя лицензию отбирают?

МАРЛЕН. Ой, папа, не задавай глупых вопросов! За то же, за что и у всех: рискованное кредитование, завышенные ставки, непрофильные расходы... А на самом деле – сняли нашего человека в СБК...

БАРАБАШ. Где?

МАРЛЕН. В Совете по банковскому контролю. Ничего, скоро нашего Баксмана назначат. Главное – перекрутиться...

БАРАБАШ. А как ты с другой Машкой, со своей мисс Тамбов, перекрутишься? Она моложе твоей дочери!

МАРЛЕН. Деньги, папа, бодрят. И Мария меня любит.

БАРАБАШ. А спите почему врозь?

МАРЛЕН. Ее от меня тошнит. Не в том смысле. У беременных так бывает.

БАРАБАШ. Вот когда разоришься, тогда увидим, в каком смысле...

МАРЛЕН. Папа, я как раз об этом хочу с тобой поговорить. На счету сейчас каждая копейка.

БАРАБАШ. Так вот почему ты меня из ДСП забрал! А врал, что соскучился.

МАРЛЕН. Разумеется, соскучился. Но твою квартиру на Тверской надо срочно продать. Деньги положить к нам в банк. Так выгоднее.

БАРАБАШ. Сынок, а может, выгоднее все к черту продать? Заводы, поля, шахты, фермы, танки, линкоры, ракеты... Деньги положить в банк в Америке и отдыхать на проценты. Правда, жрать скоро станет нечего, но можно купюры трескать. С хреном. Или худеть. Вы же все худеете!

МАРЛЕН. Папа, мне нужно перекрутиться, я вызову нотариуса.

БАРАБАШ. Нет!

МАРЛЕН. Почему?

БАРАБАШ. У меня там жилыцы.

МАРЛЕН. Я подобрал им другую квартиру.

БАРАБАШ. Шустро! Не продам. Ты там, пес, вырос.

МАРЛЕН. Папа, если банк лопнет – я погиб...

БАРАБАШ. И зачем мы только засунули тебя в финансовый институт!

МАРЛЕН. В самом деле – зачем?

БАРАБАШ. Затем... Был ты, Марлик, балбес балбесом. Всю голову сломали, что с тобой делать. Инженером – нельзя, спроектируешь что-нибудь, а оно и грохнется. В доктора тем более – залечишь. В дипломаты никак невозможно: продашь Родину за двойной бурбон. Оставались финансы. Они же при советской власти были безобидные, вроде игры в шашки на шелл-бану. Кто ж думал, что деньги в такую силу войдут!

МАРЛЕН. Папа, меня могут грохнуть. Понимаешь? Я звоню нотариусу.

БАРАБАШ. Понимаю, сынок, но не продам.

МАРЛЕН. Почему-у?

БАРАБАШ. Там... там... на обоях память о нашей с Людмилой любви!

МАРЛЕН. Ну, как раз это-то я предусмотрел.

Он снимает с каминной полки картину и разрывает бумагу, показывая отцу кусок испачканных обоев, обрамленных багетом.

МАРЛЕН. Эта память?

БАРАБАШ. Эта. Гусь был с яблоками и красным перцем.

МАРЛЕН. Папа, мне нужны деньги. Очень!

Ставит «картину» на каминную полку.

БАРАБАШ. Эх ты, процентщик!

Раздается тревожный сигнал. Марлен снимает трубку домофона.

МАРЛЕН. Кто меня спрашивает? Какой еще Пумпянский?.. Задержите! А Володя пусть быстро подает машину к задним воротам... Как уехал? За какими еще памперсами? Кто разрешил? Уволить! А этому Пумпянскому скажите, меня нет... Как уже пустили? При чем тут зарплата? Вы все уволены!

Марлен нервно ходит по зале, пробует на вес каминные щипцы.

БАРАБАШ. Эх ты, банкир, штаны из дыр!

МАРЛЕН. Папа! (*Визгливо.*) Маша-а!

Из комнат выскакивают две беременные девчонки, спрашивая:

ОБЕ. Что, папочка?

МАРЛЕН. Не ты, а ты! (*Дочери.*) Отвези дедушку в его комнату.

МАША-ДОЧЬ. Хорошо, папочка. Поехали, дедушка.

БАРАБАШ. А тебе можно? Я тяжелый.

МАША-ДОЧЬ. Можно. Я по утрам еще бегаю.

БАРАБАШ (*тихо*). И к тебе еще по ночам бегают.

МАША-ДОЧЬ. Т-с-с! (*Увозит деда на коляске.*)

МАРЛЕН (*жене*). Иди, киса, я тебя поцелую...

МАША-ЖЕНА. Только не это, папочка!

МАРЛЕН. Не называй меня папочкой!

Маша-жена скрывается в своей комнате. Входит Пумпянский – судя по одежде, натура художественная. Озирается.

ПУМПЯНСКИЙ. Позвольте представиться: Пумпянский Жан Жакович, эксперт ФЗХ...

МАРЛЕН. Не понял?..

ПУМПЯНСКИЙ. Фонда помощи злоупотребляющим художникам.

МАРЛЕН. Барабаш Марлен Петрович, президент банка «Бескорыстье-лимитед». Очень приятно!

ПУМПЯНСКИЙ. Извините, Марлен Петрович, что беспокою вас, так сказать, во внеурочное время, но в банке вы не появлялись неделю, а промедление, как говорится, смерти подобно.

МАРЛЕН. Приболел, знаете ли. Да и девочки мои рожать собрались.

ПУМПЯНСКИЙ. И много у вас девочек?

МАРЛЕН. Дочь и жена. А что?

ПУМПЯНСКИЙ. Нет, ничего. Просто, как говорил великий Сент-Экзюпери, мы в ответе за тех, кого приручили.

МАРЛЕН. Учту. Чему все-таки обязан?

ПУМПЯНСКИЙ. Видите ли, мы... наш фонд – давние клиенты вашего банка.

МАРЛЕН. У банка «Бескорыстье-Лимитед» много клиентов. Мы на рынке двадцать лет. Как вы сказали – ФЗХ?

ПУМПЯНСКИЙ. Ну, теперь клиентов у вас не так уж и много.

МАРЛЕН. Это временные трудности.

ПУМПЯНСКИЙ. Хочется верить. Мы держим у вас большой вклад. Странно, что вы забыли...

МАРЛЕН (*спохватившись*). Конечно, помню! А в чем дело?

ПУМПЯНСКИЙ. Хотелось бы вернуть наши деньги.

МАРЛЕН. Зачем? Мы платим вам хорошие проценты! Деньги должны работать. Можно обсудить повышение ставок. Это выгодно!

ПУМПЯНСКИЙ. В свете полученной информации лучше поскорей закончить наши взаимовыгодные отношения.

МАРЛЕН. Вы об отзыве лицензии? Не верьте! Слухи и наветы конкурентов.

ПУМПЯНСКИЙ. Слухи – это правда в кредит. Вот, я захватил наш договор... Пункт 7.56. Читаем: «Банк “Бескорыстье-Лимитед” обязуется по первому требованию возвратить вклад с начисленными процентами...»

МАРЛЕН. Это невозможно! Если кто-то узнает, начнется повальный съем средств. Вы меня разорите.

ПУМПЯНСКИЙ. А вы встаньте на мое место! На нашем попечении более ста уникальных мастеров своего дела, к сожалению, злоупотребивших своим даром. Мы обязаны протянуть им руку помощи в трудную минуту...

МАРЛЕН. А почему наш банк должен расплачиваться за злоупотребления ваших мастеров своего дела?

ПУМПЯНСКИЙ. Нет, расплачиваться будет фонд, а вы просто вернете наши деньги. Не забывайте, речь идет о семьях, оставшихся без кормильцев, женах и малых детях, лишенных самого необходимого!

МАРЛЕН. Не надо о детях! У меня самого трое, и четвертый... так сказать... в депозитории. Разрешите договорчик!

ПУМПЯНСКИЙ. Извольте.

МАРЛЕН (*читает*). «...По первому требованию в течение десяти дней...» Ну вот. Что же вы мне, уважаемый Жан Жакович, голову-то морочите! Через десять дней получите свои деньги. С процентами.

ПУМПЯНСКИЙ. Но через десять дней ваш банк может лопнуть, исчезнуть.

МАРЛЕН. Увы, от форс-мажора никто не застрахован. Вспомните судьбу того же Сент-Экзюпери. Улетел на самолете и пропал.

ПУМПЯНСКИЙ. Я тоже хочу вам напомнить кое о чем. Почетный президент нашего фонда – Анзор Тенгизович Гурамишвили.

МАРЛЕН (*закрывает*). Гурам? Но ведь он же...

ПУМПЯНСКИЙ. Батоно Анзор сейчас в командировке в Мексике, куда отбыл после нашумевшей выставки своих графических работ, но даже издали он интересуется судьбой нашего фонда. Что ему передать?

МАРЛЕН. Передайте уважаемому Анзору Тенгизовичу привет, пожелание новых творческих успехов и скорейшего возвращения.

ПУМПЯНСКИЙ. И это все?

МАРЛЕН. На сегодня все.

ПУМПЯНСКИЙ. Как знаете. Передам. И мы вас еще побеспокоим.

МАРЛЕН. Конечно! Это наша работа – беспокоиться о ваших деньгах.

ПУМПЯНСКИЙ. А наша работа – беспокоить вас.

Идет к выходу, останавливается у картины, разглядывает.

ПУМПЯНСКИЙ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.